

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

И. П. Дементьев

В изучении американской историографии советские историки добились за последние годы значительных успехов. Характерен разнообразный спектр исследований. В сборниках по американской историографии под редакцией Г. Н. Севостьянова¹ и других исследованиях проанализирована новейшая литература по ряду ключевых проблем истории США. Опубликованы статьи, посвященные таким крупным историкам, как Ч. Бирд, Ф. Д. Тернер, Д. Коммонс, А. М. Шлезингер-младший, и другим. Появились исследования, в которых рассмотрены некоторые новейшие течения и тенденции в буржуазной историографии США 60-х—70-х годов². Во всех этих работах в большей или меньшей степени подвергались анализу проблемы методологии и теоретические установки буржуазных историков. В результате стало не только своевременным, но и возможным дать обобщающую характеристику развития американской историографии в послевоенный период, прочертить главные линии ее эволюции и более точно оценить удельный вес тех или иных направлений и школ³.

Американская буржуазная историография после второй мировой войны развивалась под непосредственным воздействием главного противоречия современности: между социализмом и капитализмом. В обострившейся идеологической борьбе двух систем важное место заняла историческая наука, социальная значимость которой резко возросла. Открыто или скрыто, прямо или опосредствованно позиция буржуазной историографии по кардинальным методологическим и конкретно-историческим вопросам определялась ее противоборством с марксистско-ленинской исторической наукой. Особенности развития США, сделавшие их лидером капиталистического мира, «бастионом антикоммунизма», лишь рельефнее оттеняли эти черты.

В своем послевоенном развитии американская буржуазная историография прошла два этапа. В первое послевоенное десятилетие она

---

¹ «Основные проблемы истории США в американской историографии (От колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг.)». М. 1971; «Американская историография внешней политики США (1945—1970)». М. 1972; «Основные проблемы истории США в американской историографии (1861—1918 гг.)». М. 1974; «Американская историография внутриполитических проблем США в послевоенный период». М. 1974.

² Н. Н. Болховитинов. Современная американская историография: новые течения и проблемы. «Новая и новейшая история». 1969, № 6; В. Л. Мальков. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии (Кризис методологических основ и практика конкретных исследований). «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М. 1974.

³ В настоящей статье анализируется историография внутриполитической истории США. Обширная проблема историографии внешней политики США заслуживает отдельного рассмотрения.

формировалась в атмосфере «холодной войны» и активизации сил империалистической реакции. Тенденция к реакции во внутренней и внешней политике нашла особенно яркое проявление в маккартистской истерии первой половины 50-х годов, распространении мифов о советской военной угрозе, сочетавшихся с милитаристским угаром. Насаждался конформизм, проявлялось стремление к усилению контроля над сферой идеологии. Требования правящих кругов США к американским историкам были сформулированы в беспрецедентном послании президента Г. Трумэна к Американской исторической ассоциации (АИА) в декабре 1950 года. Главной задачей американской политики, писал он, является борьба с коммунизмом, и в этом деле «труд американских историков имеет колоссальное значение»⁴.

В конце 50-х — начале 60-х годов наступил новый этап послевоенной истории США. Провалы политики «холодной войны» со все большей очевидностью свидетельствовали об изменении соотношения сил в мире в пользу социализма. Последовательная мирная политика СССР пролагала путь к разрядке международной напряженности. В самих США долго и подспудно вызревавшие противоречия вылились в острый социальный кризис. Активизация рабочего класса сочеталась с пробуждением к борьбе широких демократических слоев общества. В стране разворачивается мощное движение негров против расового и социально-политического гнета. В бурные 60-е годы активное участие в движении протеста приняла молодежь, пришедшая на смену «молчаливому поколению» 50-х годов. Она составила основу движения, получившего название «новые левые». Их анархистский протест содержал немалый заряд антимонополистической и антиимпериалистической критики. Острые их выступлений было направлено против моральных ценностей буржуазного общества. Вместе с тем, выступив против «холодной войны», вызванной политикой США, против войны во Вьетнаме, они пришли к выводу о связи внешнеполитических проблем с расовым, социальным и экономическим гнетом в стране.

Изменение международной обстановки и обострение классовых антагонизмов вызвали оживление неолиберализма, усиление социального маневрирования, политику мелких реформ. Среди многих теорий, рисующих модель современного капитализма, на первый план с конца 50-х и в 60-х годах выдвигается теория «индустриального общества», авторы которой стремятся противопоставить марксистско-ленинскому учению о неизбежности революционной перестройки буржуазного общественного строя альтернативу «трансформации капитализма» с положением о затухании классовых противоречий и надклассовой роли буржуазного государства в основе ее. Эти черты идейно-политической жизни США послевоенного времени оказали прямое или косвенное влияние на развитие историографии.

Повышение социальной значимости, идеологического и политического потенциала исторической науки привело к существенному расширению масштабов исторических исследований в США в послевоенный период. Наличие большого числа научно-исследовательских центров, расширение подготовки профессиональных историков, материальная поддержка, оказанная монополиями («частные фонды») и правительственными учреждениями, — все это придавало гораздо больший размах историческим исследованиям в США, чем в странах Западной Европы. Ведущую роль при этом играют такие университеты, как Гарвардский, Колумбийский, Висконсинский, Калифорнийский, Чикагский, Корнельский, Принстонский. После войны были также основаны многочисленные институты для изучения отдельных проблем, особенно в сфере

⁴ «American Historical Review» (далее — «AHR»). Vol. LVI, № 3, April 1951, pp. 711—712

международных отношений и советологии. На основе правительственных контрактов работают десятки специальных институтов и центров. Сейчас в США функционирует около 150 исследовательских центров по изучению экономики, истории и политики СССР, из них около 20 учреждений занимаются исключительно историей Советского Союза⁵. Ведущими в этом отношении являются Русский исследовательский центр при Гарвардском университете и Русский институт при Колумбийском университете. Первый из них организован в 1948 г. на средства фонда Карнеги, второй — в 1946 г. и финансируется фондом Рокфеллера. В 1975 г. началось издание 25-томной «Современной энциклопедии русской и советской истории».

Крупнейшей среди профессиональных организаций американских историков является АИА⁶. К ней примыкают Организация американских историков, а также другие ассоциации и многочисленные объединения историков в отдельных штатах. АИА связана с правительственными кругами и имеет своих представителей в национальных научных организациях. Ее органом является журнал «American Historical Review». К числу важнейших периодических исторических изданий относятся также журналы: по всем проблемам истории США («Journal of American History») (до 1964 г. выходил под названием «Mississippi Valley Historical Review»), по истории американского юга («Journal of Southern History»), по новейшей истории США («Journal of Modern History»), по ранней истории США («William and Mary Quarterly»), по истории рабочего движения («Labor History»), по негритянской истории («Journal of Negro History»), а также большое число изданий по международным отношениям, по отдельным регионам мира и эпохам, по отдельным направлениям исторической науки («социальная история», «междисциплинарная история») и др.

В послевоенные годы увидел свет ряд многотомных изданий по истории США. Наиболее значительные из этих серий: «Экономическая история США». «История Юга», «Народ Америки. Историческая серия», «Чикагская история американской цивилизации»⁷. Издается большое число обобщающих работ учебного характера, очень обширна историческая литература, адресованная «массовому потребителю». В последнем случае широко используются также радио, телевидение и пресса.

Главным хранилищем исторических документов являются Национальный архив и Библиотека конгресса в Вашингтоне, а также библиотеки исторических обществ в штатах. Библиотеки отдельных университетов часто создают у себя коллекции документальных источников по специальным проблемам истории США. Например, Стэнфордский университет в Калифорнии известен как обладатель уникальной коллекции прессы раннего периода американской истории, а также материалов по истории внешней политики новейшего времени (институт Гувера). Большое значение для исследователей имеют частные президентские архивы, где сосредоточена значительная часть государственных документов, забираемых президентами после их ухода из Белого дома. В последнее время получили распространение также «устные архивы», содержащие записанные на пленку свидетельства участников и очевидцев недавних исторических событий.

В послевоенный период произошли существенные изменения в теоретико-методологических основах буржуазной исторической науки

⁵ См. подробнее: Б. И. Марушкин. История и политика. М. 1969.

⁶ См. Н. В. Сивачев. На 89-м ежегодном съезде Американской исторической ассоциации. «Вопросы истории», 1975, № 6.

⁷ «The Economic History of the United States». Ed. by H. David a. o. N. Y. 1945—; «The People of America Series». Ed. by L. Adamic. Philadelphia. 1947—; «A History of the South». Ed. by W. H. Stephenson and E. M. Coulter. Baton Rouge. 1948—; «Chicago History of American Civilization». Ed. by D. J. Boorstin. Chicago. 1956—.

США. Критика классического позитивизма, которая нарастала в американской историографии с 30-х годов, достигла своего апогея в конце 40-х — начале 50-х годов. В своей методологической переориентации буржуазная историография опиралась на наследие европейского неокантианства и традиции американского прагматизма. Экзистенциализм и бихевиоризм лежали в том же русле. Все эти философские течения — варианты субъективного идеализма. Его сторонники в США повторили известные положения неокантианцев о принципиальном различии между методологией естественных и общественных наук и утверждение, что в общественных науках невозможно установление общих законов. Своеобразным манифестом этих релятивистских идей явился вышедший в 1946 г. сборник «Теория и практика в историческом исследовании»⁸, в котором приняли участие видные американские историки.

Под флагом выступления против «натурализма» и позитивистской социологии велась борьба с марксистским пониманием общественного развития как естественно-исторического процесса и возможности его познания. Отход от позитивизма был облегчен тем, что Ч. Бирд — глава очень влиятельного в американской межвоенной историографии «экономического» направления, воплощавшего принципы позитивизма, выступал еще с середины 30-х годов с субъективистских позиций. «История! — восклицал он. — Так это всего-навсего кот, которого тащат за хвост в места, куда он редко хочет идти. Другой человек, придерживающийся других взглядов, используя те же материалы, мог бы написать книгу, содержащую концепции, противоположные моим»⁹. В обстановке подъема релятивистской волны стало модным при объяснении исторических событий делать упор на чувства и настроения людей. Для других исследователей исторический процесс оказывается сплошным нагромождением случайностей. Так, например, известный американский историк О. Хэндлин в книге «Поворотные пункты американской истории» пытается доказать, что случайности (погода, внезапная смерть видного политического деятеля и т. д.) решающим образом влияли на исход важнейших событий истории США¹⁰.

Наиболее опасным следствием субъективизма явился, однако, презентизм (от present — современность). Релятивистская концепция подводила философскую базу под модернизацию истории. Раз прошлое дано историку только через переживание в сознании самого историка, то, следовательно, осовременивание прошлого, стирание различия между прошлым и настоящим совершенно естественны. Провозглашалась необходимость «переписывания» прошлого под углом зрения современных политических интересов правящего класса. В этом усматривалось воплощение высокой социальной ответственности историка-профессионала. В 1949 г. президент АИА К. Рид в обращении «Социальная ответственность историка» призвал объяснять прошлое в интересах настоящего: «Тотальная война, горячая или холодная, мобилизует всех и требует, чтобы каждый занял свой пост. Историк так же не свободен от этой обязанности, как физик»¹¹.

Все больше вырисовывавшаяся связь релятивистской философии истории с политической реакцией вызывала сопротивление ряда исследователей. Видный буржуазный историк Ч. Дестлер писал, что К. Рид хочет превратить историю «в инструмент пропаганды и отдал ее зара-

⁸ «Theory and Practice in Historical Study. A Report of the Committee on Historiography». N. Y. 1946.

⁹ Ch. A. Beard. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y. 1946.

¹⁰ O. Handlin. Chance of Destiny. Turning Points in American History. Boston. 1969.

¹¹ C. Beard. Social Responsibilities of the Historian. «AHR». Vol. LV, № 2, January 1950, p. 283.

нее любой правящей группе, которая захватит контроль над Капитолием»¹². Другие историки также нередко связывали подъем релятивизма с общими тенденциями реакции в США и выступали в защиту принципов объективности в научных исследованиях. Но, отвергая «крайности» субъективизма, буржуазные историки не опровергают его теоретические основы. Так, Д. Малин, критикуя релятивистски-презентистские установки, призывал отказаться от любой методологии и провозглашал «независимость» исторической науки от политической борьбы. «Историк не должен извиняться за то, что история бесполезна. История не только бесполезна, историк должен гордиться ее бесполезностью»¹³. Спасаясь от всеразрушающего скепсиса, историки зачастую не видят другого выхода, кроме возвращения к традиционной концепции «чистого факта». В этом направлении идут и призывы сторонников индивидуализирующего метода в духе Ранке; они полагают, что истина заключена в источниках, и чтобы ее извлечь, не нужна теория, а достаточно техники — критики источника. В результате появляется все больше работ по узким и частным вопросам, где описание исторических фактов заменяет объяснение и анализ внутренней связи исторических событий.

Стала меняться и общая мировоззренческая установка буржуазной науки в отношении идеи прогресса. Отказ от идеи поступательного развития общества получил наиболее законченное выражение в концепциях круговорота общественного развития. «Циклическая теория» развития, предложенная английским историком А. Тойнби, снижала популярность и в США. Наиболее влиятельным ее американским вариантом является философско-историческая схема зарождения и упадка «культурных суперсистем» П. Сорокина, пользующегося репутацией патриарха буржуазной социологии США. Наступление на идею прогресса велось и по линии обоснования тезиса о невозможности установить прогрессивность или регрессивность того или иного общественного явления и процесса. Буржуазные историки и социологи подчас просто избегают говорить об историческом прогрессе, предпочитая ему понятие «социальные изменения». Как пояснял американский социолог Г. Барнс, последнее «удобно» (relevant), ибо не требует оценки, является ли данное изменение прогрессивным или регрессивным¹⁴.

Вместе с тем стремление найти альтернативу прогрессивным социальным переменам, происходящим в современном мире, и представить капитализм как динамичную развивающуюся систему побудило многих буржуазных историков и социологов к поискам новых теорий прогресса. Их авторы, опираясь большей частью на концепции «индустриального общества», изображают прогресс как плавное движение по мере постепенного накопления материальных ценностей, а высшим достижением объявляется та стадия социально-экономического развития, на которой находятся США. Наиболее известная и широко распространенная концепция такого рода — теория «стадий экономического роста» — связана с именем социолога и историка-экономиста У. Ростоу¹⁵, который, игнорируя социально-экономические отношения (собственности, распределения и т. д.), пытается установить прямую связь между научно-техническим потенциалом общества и народным потреблением.

Одним из важных следствий идейной и методологической переори-

¹² Цит. по: И. С. Коэн. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959, стр. 376.

¹³ Там же, стр. 371—372.

¹⁴ Н. Е. Варнес. Historical Sociology. «Contemporary Sociology». Ed. by J. Roucek. N. Y. 1958.

¹⁵ W. Rostow. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifest. Cambridge. 1960.

ентации американской буржуазной историографии после второй мировой войны был упадок «экономического» («прогрессистского») направления. В условиях роста реакции внутри страны и «холодной войны» была отвергнута прежняя буржуазно-реформистская концепция как «недостаточно патриотическая» и содержащая отголоски социальной критики «разгребателей грязи». Суть разочарования в «экономизме» раскрывает заявление Л. Хэкера, бывшего до войны приверженцем этого течения: «Материалистическая интерпретация политики несостоятельна. Это марксистский анализ»¹⁶. Характерно, что сам Ч. Бирд, признанный глава «экономического» направления, также не удержался на прежних позициях. В последних своих работах «Республика», «Основы истории Соединенных Штатов»¹⁷, оставив попытку показать единство исторического процесса на основе экономических изменений, он все дальше отходит от познания действительных закономерностей исторического развития. В этих работах исчезает ценный экономический материал, подводивший его ранее к плодотворному решению некоторых проблем.

В первое послевоенное десятилетие самое широкое распространение в американской буржуазной историографии получила теория «согласованных интересов» (consensus), согласно которой американское общество на всем своем историческом пути характеризовалось единством по фундаментальным вопросам общественно-политического устройства и отсутствием каких-либо значительных конфликтов социально-политического характера. Частью этой теории является положение об «органической преемственности» (continuity) общественных институтов США. Кредо сторонников теории «согласованных интересов» одним из первых сформулировал ведущий американский историк Р. Хофстедтер. «Изучение идеологии американской государственности,— писал он,— убедило меня в необходимости вновь обратиться к нашим политическим традициям, которые подчеркивают единство нашего общественно-го мнения. Существование такого общественного мнения было в значительной мере смазано тенденцией выдвигать на авансцену истории политические конфликты... Острота политической борьбы часто вводила в заблуждение, между тем взгляды главных борющихся партий никогда не выходили за границы собственности и предпринимательства. Каковы бы ни были противоречия по специфическим вопросам, все основные политические традиции основывались на вере в право собственности, философии экономического индивидуализма, ценности конкуренции»¹⁸. Концепция «согласованных интересов» возникла в буржуазной историографии в результате пересмотра положений «прогрессистской» школы о наличии в американской истории социальных конфликтов и была заострена против марксистской теории классовой борьбы.

Разработка истории США с позиции «консенсуса» требовала иных приемов, нежели те, которыми пользовались прогрессистские историки. Место экономического детерминизма заняла преимущественно психологическая мотивация событий. Большое место отводилось роли идей и политических доктрин в истории, как правило, анализируемых в отрыве от их социальной подосновы. Преуменьшение значения социальной борьбы и подчеркивание единства и стабильности американского общества привело к тому, что отодвигались в тень социальные конфликты: война за независимость и гражданская война 1861—1865 гг., антимонополистическое движение конца XIX—начала XX в. и классовая борьба в период «нового курса» Ф. Рузвельта. Характерным стало отрицание революционных и социалистических традиций и утверждение, что в США никогда не было «классовой борьбы в европейском смысле этого слова». Не уди-

¹⁶ Цит. по: E. Saveth. Understanding the American Past. Boston. 1954, p. 44.

¹⁷ Ch. Beard. The Republic. N. Y. 1943; Ch. Beard and M. Beard. A Basic History of the United States. N. Y. 1945.

¹⁸ R. Hofstadter. American Political Tradition. N. Y. 1948, pp. VII—VIII.

вительно, что сторонники теории «согласованных интересов» подняли на щит забытое сочинение французского историка А. де Токвиля «Демократия в Америке», написанное в 1835 году. В нем Америка изображалась как страна «среднего класса», где отсутствуют острые социальные антагонизмы, как страна, которая одновременно является и стабильной и находящейся в движении. Характеризуя определяющие тенденции в американской историографии этого времени, К. Ван Вудвард (один из историков, оставшийся верным буржуазному экономизму) писал о настойчивом «стремлении ослабить контрасты, приглушить борьбу идей, смягчить остроту противоречий между классами, секциями и интересами и подчеркнуть сходство, согласие в главном. Ясность исчезает при анализе таких полярных сил, как пуритане и кавалеры, приверженцы Джефферсона и Гамильтона, интересы жителей границы и береговой полосы, труд и капитал, либералы и консерваторы... Вспоминая о Джефферсоне, приводят его высказывание: «Мы все федералисты, мы все республиканцы», но не обращают внимания на его слова, «древо свободы должно время от времени поливаться кровью патриотов и тиранов»¹⁹.

Наступивший в 60-х годах серьезный социальный кризис наглядно продемонстрировал несоответствие традиционных догм, которые лежали в основе исторических конструкций, реальной действительности. Видный американский социолог К. Райт Миллс, отмечая разрушительное влияние презентизма на историческую науку и падение ее престижа, писал в 1961 г., что у рядового читателя может сложиться впечатление, будто «история — это в действительности чепуха, это нравоучительные легенды на темы прошлого, необходимые для удовлетворения текущих нужд политиков, как либеральных, так и консервативных»²⁰. В новых условиях пошатнулся и престиж теории «консенсуса». Многие буржуазные исследователи начали осознавать необходимость переоценки различных звеньев в той системе ценностей, которая долгое время определяла их историческое мышление. Усилилась критика «консенсуса» со стороны тех, кто и раньше относился к нему скептически. В выступлениях К. Ван Вудварда, Дж. Хайама и других подчеркивалось, что переживаемые страной острые конфликты настоятельно требуют переосмысления прошлого, а теория «согласованных интересов» непригодна для этого. Теория «консенсуса» перестала удовлетворять даже некоторых ее недавних решительных сторонников. Р. Хофстедтер, который был одним из зачинателей пересмотра истории США с позиций «согласованных интересов», в 1968 г. заявил: «Есть три проблемы, при столкновении с которыми история США, написанная с позиций консенсуса, терпит крах. Во-первых, на мой взгляд, такое рассмотрение не может воздать должного действительно радикальным аспектам американской революции, во-вторых, руководствуясь этой теорией, совершенно невозможно объяснить гражданскую войну и связанные с нею проблемы, наконец, эта теория побуждает нас отвернуться от самых значительных фактов американской социальной жизни — расовых, этнических и религиозных конфликтов, которыми насыщена наша история»²¹.

Кризис идейно-политических основ буржуазной историографии оказал воздействие и на ее методологию. Методологическое наследие неокантианства, ставшее главной теоретической опорой буржуазной историографии после второй мировой войны, подвергалось критике и ранее. Но в 60-е годы эта критика получила новый стимул. Была поставлена под сомнение правомерность теории «согласованных интересов». Поражающее воображение развитие естественных наук, успехи смежных с

¹⁹ «New York Times Book Review», 28.VII.1963.

²⁰ C. W. Mills. The Sociological Imagination. N. Y. 1961, p. 156.

²¹ R. Hofstadter. The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y. 1968, p. 459; Н. Н. Яковлев. Критика бесконфликтной истории. «США: экономика, политика, идеология», 1970, № 2.

историей наук — лингвистики, эмпирической социологии — также подтачивали основы неокантианской концепции познания. Вместе с тем буржуазная историография все острее ощущала нехватку цельной теории, позволяющей объяснить накопленный фактический материал и обобщить исторический опыт. В непрекращающихся дискуссиях 60-х годов вновь и вновь поднимались вопросы методологии²².

Реально поиски нового метода, нового видения истории имели весьма ограниченные пределы. Они не выходили за границы идеалистического историзма. Немало буржуазных историков США осталось на старых позициях индивидуализирующего метода описательной историографии, воспротивившись сближению ее — по методу — с другими науками. Эту позицию четко выразил Дж. Хекстер, выступивший на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. против «дегуманизации» истории²³.

Однако значительная часть историков отвергла столь негативный подход и согласилась пойти на сближение с социальными науками, хотя и до определенной грани. В рамках совершенствования техники исторических исследований обращение к методике смежных наук дает нередко положительные результаты. Так, «анализ содержания» (content analysis), включающий применение филологических и психологических методов изучения лексики, дает возможность углубить изучение известных документов или способствует выяснению их авторства (этот метод, в частности, был весьма успешно применен при анализе газет североамериканских колоний в целях уяснения роста национального сознания американцев в канун войны за независимость). Широкое распространение получил также комплексный междисциплинарный подход — изучение исторических процессов с позиций экономики, социологии, психологии, географии и т. д. (основан даже «Журнал междисциплинарной истории» — «Journal of Interdisciplinary History»). Междисциплинарный подход дает подчас возможность получить более полное представление по какой-либо узкой проблеме и некоторые интересные данные на стыке наук. Однако в условиях отсутствия цельной методологии, способной свести воедино полученные данные, междисциплинарный подход означает лишь возвращение к многофакторной концепции на базе развившихся отраслевых общественных наук. Наконец, ряд буржуазных историков (их меньшинство) попытался решить проблемы синтеза исторического материала, базируясь исключительно на логико-технических средствах других наук, пользуясь ими как методологией исторического исследования и таким образом превратившись в «исторических социологов», «историков-психологов» и т. д. На основе одностороннего применения количественных математических методов сформировалась школа «клиометристов» (Клио — муза, покровительница истории в греческой мифологии).

Описанные выше идейно-политические тенденции и методологические принципы легли в основу формирования главных направлений в американской историографии послевоенного периода. В рамках концепции «консенсуса» развивались ведущие в буржуазной историографии направления — неоконсервативное и неолиберальное.

Историки неоконсервативного направления выступили с пересмотром всей истории США, но особое внимание они уделили раннему периоду, когда, согласно их концепции, был заложен фундамент единства американской нации, то есть истории колониального периода и войны за

²² См. подробнее: К. С. Гаджиев. «Дедалус» о кризисе современной американской историографии. «Вопросы истории», 1972, № 7; М. А. Барг. Вопросы метода в современной буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1972, № 9; его же. Проблемы социальной истории. М. 1973.

²³ J. A. Hexter. History. Social Sciences and Quantification (XIII Intern. Congr. of Hist. Science. Moscow. 1970).

независимость. Особенно характерны в этом плане работы Д. Бурстина, Р. Брауна и Л. Харца²⁴.

Историки этого направления применили в исследованиях сравнительный и культурно-исторический методы. Они исправили некоторые фактические ошибки и опровергли отдельные вульгарно-механистические объяснения прогрессистских историков. Некоторые из них (например, Д. Бурстин) обладают незаурядным литературным дарованием. Однако исходные идейные и методологические принципы предопределили крайнюю тенденциозность и научную несостоятельность их исторических работ, преследующих цель доказать единство американского народа, бесконфликтный характер и преемственность истории США. Согласно Л. Харцу, в Европе острая классовая борьба возникла в тесной связи с существованием различных идеологических систем, «заражавших» друг друга и послуживших почвой для образования новых все более радикальных идеологий («вигизм» породил «якобинизм», а последний — социалистические идеи). Иное дело — Новый Свет. При основании американских колоний от европейского общества отделился один «идеологический фрагмент» — пуританизм, содержащий в зародыше идеалы индивидуализма, свободы и демократии. Поэтому-де на американской земле с самого начала господствовали одни, общие для всех поселенцев идеологические принципы. Р. Браун старается доказать, что в американских колониях существовало социальное равенство, абсолютное большинство населения составляли самостоятельные фермеры. На базе экономической демократии сложилась политическая демократия «среднего класса»²⁵.

Фактически все эти историки развивают теорию «исключительно-сти» США. Неоконсерваторы отрицают революционный характер войны за независимость, выхолащивают из нее социальное содержание. Более того, эта война изображается ими преимущественно как политическое движение, к тому же весьма консервативного характера. Д. Бурстин полагал, что «наиболее очевидная особенность» американской революции как раз в том, что «в современном европейском смысле слова она едва ли вообще была революцией»²⁶. Р. Браун заявлял, что американцы вели войну для того, чтобы сохранить уже существовавшие в колониях социально-политические порядки, а не изменить их. Показательно, что историки неоконсервативного направления устроили своеобразный суд над известной работой Ч. Бирда «К экономической интерпретации конституции США». Р. Браун и его сторонники выступили против положения Ч. Бирда, что конституция 1787 г. являлась плодом усилий главным образом представителя денежного и торгового капитала. Они тщетно пытались доказать, что конституция была принята свободным волеизъявлением народа и отвечала интересам всех его слоев²⁷.

²⁴ D. Boorstin. *The Genius of American Politics*. Chicago. 1953; eju s.d. *The Americans. The Colonial Experience*. N. Y. 1958; R. Brown. *Middle-Class Democracy and Revolution in Massachusetts 1681—1780*. Ithaca. 1955; L. Hartz. *The Liberal Tradition in America*. N. Y. 1955. Об этом направлении см.: П. Б. Уманский. Усиление реакционных тенденций в современной буржуазной историографии США и проблемы первой американской революции. «Критика буржуазных концепций всеобщей истории». Казань. 1972; В. А. Ушаков. Некоторые проблемы войны за независимость в освещении историков неоконсервативного направления. «Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М. 1972; К. С. Гаджиев. Современная американская неоконсервативная историография и некоторые проблемы пуританизма. «Вестник МГУ». Серия история, 1973, № 3; Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии американской революции. «Новая и новейшая история», 1973, № 6.

²⁵ Опровержение этих взглядов см. в работах: А. С. Самойло. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М. 1963; Г. П. Куропятник. Борьба за землю в колониальный период истории США. «Вопросы истории», 1974, № 8.

²⁶ D. Boorstin. *The geniuses of American Politics*, p. 66.

²⁷ R. Brown. *Charles Beard and the Constitution. A Critical Analysis of «An Economic Interpretation of the Constitution»*. Princeton. 1956.

Не менее характерен и неоконсервативный подход к истории гражданской войны 1861—1865 годов. Еще в середине 30-х годов возникла концепция Д. Рэнделла — Э. Крэвена, которые отрицали неизбежность гражданской войны и объявили ее «бесполезной», делом «заблуждавшегося поколения»²⁸. Сразу же после второй мировой войны эта трактовка приобрела новых сторонников, обросла дополнительной аргументацией. Историки-неоконсерваторы, отказавшись от анализа социально-экономических противоречий Севера и Юга, свели борьбу системы наемного труда и системы рабства к столкновениям в конституционной области, в сфере морали, этики и идеологии. Некоторые из этих историков рассматривают возникновение гражданской войны как следствие «ошибок национального руководства» (прежде всего, разумеется, «ошибок» президента А. Линкольна) и «слабости» политической системы США²⁹. Они пытаются обосновать мысль, будто эволюционное развитие неизбежно вело к мирной отмене рабства, что гражданская война создала больше проблем, чем решила. Историки неоконсервативного направления даже поставили вопрос об «ответственности» наиболее революционной части американского народа за гражданскую войну. Ими очерняется аболиционистское движение и деятельность радикальных республиканцев³⁰. Но историков-бурбонов уже не устраивает даже доктрина «бесполезной войны»³¹. Они требуют, чтобы борьба за сохранение рабства была признана «справедливой» и прославляют «героизм» армии южан.

В русле неоконсерватизма находится и деятельность «школы бизнеса», которая зародилась еще в конце 20-х годов. Ее центром стало Общество истории бизнеса, а также организованная при Гарвардском университете кафедра истории бизнеса. Историки, принадлежащие к этой «школе», сначала занимались внутренней организацией монополистических объединений, их финансовой деятельностью, историей хранения и сбыта товаров и т. д. Затем они перешли к биографиям основателей трестов, «капитанов индустрии». После второй мировой войны сочинения приверженцев этой реакционной школы множатся. К главным своим задачам «историки бизнеса» относят борьбу с идеями социализма. Один из основателей этой школы, Н. Грас, заявил в 1949 г.: «Мы можем превратить частнокапиталистический бизнес в религию, которая сумеет противостоять его противнику — коммунизму»³². Важное значение придается также борьбе с антимонополистической традицией, пустившей крепкие корни в американском народе. Достаточно вспомнить движение популистов, «разгребателей грязи», разоблачивших тайну возникновения многих крупнейших состояний, резкую критику капитализма выдающимися американскими писателями Дж. Лондоном, Э. Синклером, Т. Драйзером и многими другими.

Современная «школа бизнеса» обрела некоторые новые черты. Раньше историки этой «школы», игнорируя народные массы и прославляя финансовых магнатов, все же отмечали, что капиталисты руководствовались в своих действиях эгоистическими интересами. Теперь они стараются доказать, что действия капиталистов были направлены на улучшение жизни рабочих. С другой стороны, если до второй мировой войны приверженцы «школы бизнеса» выступали по отдельным вопросам, то ныне они пытаются с позиций монополистического капитала пересмотреть всю историю США и представить крупный бизнес как дви-

²⁸ J. Randall. The Civil War and Reconstruction. N. Y. 1937; A. Craven. The Coming of American Democracy. N. Y. 1948.

²⁹ R. Nichols. Disruption of American Democracy. N. Y. 1948.

³⁰ См. подробнее: И. П. Деметьев. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М. 1963.

³¹ E. Coulter. The South during Reconstruction. Baton Rouge. 1947; e. j. s. d. The Confederate States of America, 1861—1865. Baton Rouge. 1950.

³² Цит. по: Г. Антекер. Лауреаты империализма. М. 1955, стр. 29.

гатель экономического прогресса страны. Ф. Хайек, например, стремился доказать, что массовое производство дешевых товаров, достигнутое, как он утверждал, «благодаря усилиям капиталистов», привело будто бы в конце XIX в. к резкому улучшению положения рабочего класса³³. Образцом апологии монополий является написанная еще в 1940 г. книга А. Невинса «Джон Д. Рокфеллер. Героическая эпоха предпринимательства»³⁴. После войны появились сотни работ о Форде, Меллонах, Морганах, изображаемых как «архитекторы материального роста США»³⁵. Столь откровенная апологетика капитализма вызывает скептическое отношение большей части американских буржуазных историков. Однако это не преуменьшает ее опасности, ибо слишком сильны и активны влиятельные круги, стоящие за спиной «школы бизнеса».

Неолиберальные историки также выступили против «прогрессивистской» школы, но в отличие от неоконсерваторов они не отрицают наличие и борьбу в США либеральной и консервативной идеологии, а подчас и социальные противоречия (разумеется, в пределах согласия по «фундаментальным вопросам»). Двигатель исторического развития при этом усматривается в существующей якобы искони в США традиции либерального реформаторства. Источник этой традиции, как явствует из выводов неолибералов, следует искать в аморфном «среднем классе» — в кругах интеллигенции, либерально настроенных кругах буржуазии, которые, руководствуясь альтруистическими или честолюбивыми мотивами, добивались улучшения социальных условий жизни народа. При этом важнейшая роль в преобразованиях отводится буржуазному государству, способному смягчить или даже полностью излечить экономические и социальные недуги капиталистического общества. Хотя историки неолиберального направления обращаются ко многим проблемам периода домонополистического капитализма, основная тема их работ все же история США XX в., когда буржуазный реформизм оформился как существенная часть политической стратегии государственно-монополистического капитализма.

Ведущим историком неолиберального направления является Р. Хофстедтер. Его исторические взгляды получили выражение прежде всего в работах «Американская политическая традиция» (1948 г.) и «Эра реформ» (1955 г.), а позднее «Антиинтеллектуализм в американской жизни» (1963 г.)³⁶. Главная тема их — реформизм. Р. Хофстедтер дает широкий фон, рисуя бурный процесс индустриализации в США в конце XIX—начале XX века. Сотни тысяч фермерских хозяйств исчезли в результате ожесточенной конкуренции, многие другие попали в зависимость от закупочных и железнодорожных корпораций, мелкая буржуазия города — священники, юристы, врачи, мелкие предприниматели (по терминологии Р. Хофстедтера, «старый средний класс») теряют свои позиции в социальной жизни страны, а рядом с ним вырастает «новый средний класс» (технический персонал, служащие корпораций и т. д.). Многие наблюдения Р. Хофстедтера из области социальной психологии общественных групп интересны и весьма проникательны.

Вместе с тем он, по существу, выхолащивает классовую сущность демократических движений в США конца XIX—начала XX века. Если

³³ F. Hayek a. a. *Capitalism and the Historians*. Chicago. 1954.

³⁴ A. Nevins. *John Rockfeller. The Heroic Age of American Enterprise*. Vols. 2. N. Y. 1910.

³⁵ См., например, многотомное издание по истории «Стандарт ойл К^о»: R. and M. Hidy. *Pioneering in Big Business, 1882—1911*. N. Y. 1955; G. S. Gibb, E. H. Knowlton. *The Resurgent Years, 1911—1927*. N. Y. 1956; H. W. Larson, E. H. Knowlton, S. Popple. *New Horizons. 1927—1950*. N. Y. 1973. О «школе бизнеса» см. подробнее: А. А. Фурсенко. О «школе бизнеса». «Американская историография внутриполитических проблем США в послевоенный период».

³⁶ R. Hofstadter. *American Political Tradition; e jusd. The Age of Reform*. N. Y. 1955; e jusd. *Anti-Intellectualism in American Life*. N. Y. 1963.

историки «экономического» направления во многих случаях показали связь этих движений и их идейно-политических платформ с социально-экономическим развитием, то для Р. Хофстедтера характерен крен в сторону их психологической мотивации. Исторический процесс выступает у него прежде всего как ряд политических изменений, обусловленных переменой «психологической атмосферы», то есть господствующих в обществе настроений, мнений, эмоций. Он утверждает, что действия людей, как правило, не определяются «материальными мотивами или соображениями обладания властью», скорее движимыми силами оказываются предрассудки, страх и ненависть, чем реальные интересы³⁷. Требования популистов, согласно Р. Хофстедтеру, глубоко консервативны, они лишь продукт мифа о потерянном «аграрном Эдеме», «ностальгия по утраченным идеалам». Выступления прогрессистов в XX в. также обусловлены воспоминаниями о разрушенных «индивидуальных ценностях», это «восстание против дисциплины индустриального общества».

Конфликт, переведенный в сферу психологии (пусть даже с элементами социальной психологии), абстрагированной от конфликта материальных интересов, составляющих первооснову общественного развития, теряет классовое содержание. Р. Хофстедтеру чужда мысль, что борьба популистов и «разгребателей грязи» носила глубоко прогрессивный, антимонополистический характер. Вне его поля зрения остается рабочий класс и социалистическое движение, которые служили немаловажным позитивным фактором в возникновении и развитии антимонополистического движения. В результате под пером Р. Хофстедтера массовые демократические движения превращаются в умеренный протест «в пределах предпринимательства и собственности». Конфликт заканчивается принятием реформ, лежащих в рамках либеральной традиции. Динамичные лидеры, ставшие у власти, используя мощь государства, проводят антитрестовское законодательство и вносят в политические основы коррективы, демократизирующие политическую структуру.

Другой ведущий представитель неолиберального направления — А. М. Шлезингер-младший. Его научная деятельность тесно связана с политической, он принимал активное участие в формулировании программы «новых рубежей» и являлся специальным помощником президента Дж. Кеннеди³⁸. Формулируя свои реформистские взгляды, А. М. Шлезингер призывал отказаться от «фальшивого оптимизма» либералов XIX века. Ссылаясь на фрейдистскую теорию о «склонности человека делать зло» и его «податливости» низменным инстинктам, он уверяет, что вообще невозможно достичь идеального общества. Напрасно стремиться к радикальному разрешению всех остроконфликтных проблем, мучающих человечество, заявляет А. М. Шлезингер, они не разрешимы. Следует медленно двигаться по пути частичных улучшений. Политическое и философское кредо А. М. Шлезингера опирается также на постулат о гармоническом (в целом) характере взаимоотношений различных элементов американского общества, что якобы и обеспечивает его поступательное движение. Но это движение не непрерывно. Удачная комбинация определенных факторов и благоприятное стечение обстоятельств позволяют успешно продвигаться по пути прогресса, неудачная — вызывает движение вспять. В связи с этим картина национальной истории, рисуемая А. М. Шлезингером, представляет собой циклические смены периодов либеральных реформ и «консервативной консолидации» (закрепления происшедших перемен). Так, в соответствии с этой схемой джексоновская демократия положила конец консервативной «эре доброго согласия». «Прогрессивная эра», связанная с именами Т. Рузвель-

³⁷ R. Hofstadter. The Paranoid Style in American Politics and other Essays. N. Y. 1965, p. 39.

³⁸ См. подробнее: К. С. Гаджиев. К критике одной буржуазной концепции истории США. «Новая и новейшая история», 1975, № 4.

та и В. Вильсона, наступила, по А. М. Шлезингеру, после полосы засилья трестов в экономике и общественной жизни, а «новый курс» пришел на смену более чем десятилетнему правлению республиканцев, выражавшему интересы «большого бизнеса». «Новые рубежи» Дж. Кеннеди последовали за «годами бесплодного консерватизма президентства Эйзенхауэра».

Главным полем научного интереса А. М. Шлезингера является история «нового курса». Им написан капитальный труд «Эра Рузвельта»³⁹. Нужно сказать, что ни один период американской истории (за исключением разве гражданской войны) не привлекает такого внимания историков США. Этот интерес не случаен. Сказывается близость проблем, вызвавших к жизни социальные конфликты и реформы 30-х годов, к современной действительности. Число работ по «новому курсу» особенно увеличилось с 50-х годов, когда историки получили доступ к материалам библиотеки Ф. Рузвельта в Гайд-парке, где хранится архив покойного президента.

А. М. Шлезингер рассматривает «новый курс» в плане преемственности либерально-реформистской традиции, для него реформы 30-х годов лишь фаза в целой эпохе, берущей свое начало от «прогрессивной эры» начала XX века. В работе А. М. Шлезингера, написанной на основе широкого круга архивных документов, немало страниц, рисующих остроту «великой депрессии» 30-х годов и отчасти массовое забастовочное движение, но главная проблема времени, в трактовке автора, состояла в приспособлении американского общества к новым условиям «укрупненного производства». Эта задача якобы была решена в результате сотрудничества бизнеса и труда под эгидой государства, выступавшего в качестве нейтральной силы, гарантирующей стабильность. Американская политическая система была усовершенствована, административная система приближена к нуждам «забытого человека», получив новые средства воздействия на социальную и экономическую жизнь страны. При этом А. М. Шлезингер непомерно преувеличил роль Ф. Рузвельта, который изображается как «великий лидер», действующий пронизательно и безошибочно. Президентство Дж. Кеннеди и его политика «новых рубежей» — следующий этап либерального реформаторства. В работе «Тысяча дней»⁴⁰ (1965 г.) Шлезингер дает весьма детальный анализ общественно-политических мероприятий Дж. Кеннеди, рассматривая нового президента как прямого духовного наследника Ф. Рузвельта.

Особой сферой неолиберальной историографии стали проблемы истории рабочего движения в США. Опыт «красных» 30-х годов, весь ход социальной борьбы в США в послевоенный период в значительной мере подорвали влияние концепций «чистого» и «делового» юнионизма висконсинской школы⁴¹. В послевоенные годы лишь сравнительно немногие историки (например, Ф. Тафт) продолжали придерживаться старой концепции, что институционалистская история, прежде всего история соглашений тред-юнионов с предпринимателями, — главный объект исследований. Всякое проявление рабочими политической самостоятельности рассматривается ими как аномалия⁴². С попыткой модернизации идей висконсинской школы выступили историки неолиберального направления (У. Гейлинсон, И. Бернстайн, С. Липсет и др.)⁴³. Основные центры

³⁹ A. M. Schlesinger, Jr. *The Age of Roosevelt*. Vols. 3. Boston. 1957—1960.

⁴⁰ A. M. Schlesinger, Jr. *A Thousand Days*. Cambridge. 1963.

⁴¹ См. подробнее: В. Л. Мальков. Джон Коммонс и висконсинская школа. «История и историки». М. 1966; «История рабочего движения в США в новейшее время». Т. I. М. 1970, гл. XIII.

⁴² Ph. Taft. *The American Federation of Labor from the Death of Gompers to the Merger*. N. Y. 1959.

⁴³ I. Bernstein. *A History of the American Worker 1920—1933. The Lean Years*. Boston. 1960; e. j. s. d. *A History of the American Worker 1933—1941. Turbulent Years*. Boston. 1970; W. Calenson. *Why the American Labor is not Socialist?* Berkeley. 1961.

нового направления — Корнельский университет (где первостепенное внимание уделяется трудовым отношениям и правительственной политике в рабочем вопросе) и Калифорнийский университет (здесь исследователи больше обращаются к самой истории рабочего движения). Эти историки опираются на общую концепцию неолиберальной историографии, в центре которой находится государство, выступающее якобы как надклассовый арбитр, разрешающий экономические и социальные противоречия. Они выдвинули концепцию «социального юнионизма», которая в отличие от «делового юнионизма», обосновывавшего сотрудничество профсоюзов с предпринимателями под предлогом взаимной экономической выгоды, рассматривает сотрудничество между трудом и капиталом в более широком плане.

Исходя из реформистской практики современной профсоюзной бюрократии США, неолибералы считают профсоюзы социально полезным институтом, способным укрепить капиталистический строй. Профсоюзы, согласно концепции «социального юнионизма», должны активно действовать не только в экономической области, но и во всей общественной жизни, сотрудничая с буржуазными партиями и органами государства в сфере внутренней и внешней политики. С этих позиций они нередко критикуют Американскую федерацию труда (АФТ) за элитизм, бюрократическую структуру, а главное, за узкий практицизм, непонимание профсоюзами их «социальной ответственности» в решении общенационально-политических проблем США. С другой стороны, историки неолиберального направления, признавая, что в США существовали движения за самостоятельные политические действия рабочих, рассматривают их в духе «консенсуса», заявляя, что они никогда не угрожали незыблемости двухпартийной системы⁴⁴.

Рассматривая буржуазные реформы как движущую силу истории США, неолиберальные историки уделяют особое внимание рабочей политике Ф. Рузвельта. В их изложении реформы периода «нового курса» не результат массового рабочего и демократического движения, как это было в действительности, а, наоборот, сила, давшая новый импульс рабочему движению, оплодотворившая его в социальном отношении. В результате реформ стали возможны переориентация старых профсоюзных лидеров, расширение тред-юнионистского движения и образование новой профсоюзной организации — Конгресса производственных профсоюзов (КПП). Новые горизонты профсоюзного движения они видят в реформистской политике, в еще более активном вмешательстве государства в трудовые отношения.

Вследствие идейно-политических и методологических сдвигов в историографии 60-х — 70-х годов концепция «согласованных интересов» во многом утратила свою популярность, появилось много новых школ и исторических концепций. Против концепции «согласованных интересов» выступило направление молодых радикальных исследователей, непосредственно связанных с движением «новых левых».

Однако и в это время концепция «согласованных интересов» продолжала определять ведущие концепции неолибералов и неоконсерваторов, хотя время безраздельного господства «консенсуса» уже минуло. С одной стороны, обрели новую силу старые направления (прежде всего «экономическое», которое в 40-х — 50-х годах считали отмирающим) и

См. подробнее: «История рабочего движения в США в новейшее время». Т. 2. М. 1971; С. М. Аскольдова. История рабочего движения США в новое время (1880—1918). «Основные проблемы истории США в американской историографии (1861—1918 гг.)»; И. М. Савельева. Современные концепции американского тред-юнионизма. «Вопросы истории», 1974, № 4.

⁴⁴ «Socialism and American Life». Ed. by D. D. Egbert and S. Persons. Vols. I—II. Princeton. 1952; H. H. Quint. The Forging of American Socialism. Origins of the Modern Movement. Columbia. 1953; D. A. Shannon. The Socialist Party of American. A History. N. Y. 1955.

возникли новые, представители которых заявили о несогласии с основными положениями «бесконфликтной истории». С другой — острые конфликты современности побудили ряд серьезных исследователей даже из числа приверженцев концепции «согласованных интересов» порой существенно изменить прежние оценки. В результате, как справедливо отмечает В. Л. Мальков, в практике конкретных исследований «серьезные коррективы вносятся в изучение экономической и социально-политической истории США, рабочего, негритянского, антиимпериалистического движения, в изучение критических периодов прошлого Америки»⁴⁵.

В области изучения войны за независимость традиции «экономического» направления, которые в 50-х годах продолжал защищать М. Дженсен, теперь развивают его многочисленные ученики⁴⁶. Они ввели в научный оборот множество фактов относительно социальных контрастов в предреволюционное время и выступлений «низших классов» против социального неравенства⁴⁷. И все-таки преобладающей остается трактовка войны за независимость с позиций «консенсуса». Правда, взгляды неоконсерваторов несколько модернизированы. Влиятельная школа Б. Бейлина в отличие от традиционных неоконсервативных концепций подчеркивает изменение идейно-политического климата в США в ходе войны за независимость и признает ее революционное значение в сфере идеологии. В то же время неоконсерваторы по-прежнему придерживаются тезисов об исключительности американской истории и единстве американского народа⁴⁸. В связи с 200-летием войны за независимость и проведением юбилейных торжеств была развернута широкая пропагандистская кампания с целью укрепить пошатнувшееся доверие к господствующей социально-политической системе, представить современное буржуазное общество наследником демократических традиций основателей США. Наряду с этим многие буржуазные авторы, оставив в стороне социальные конфликты и сведя войну за независимость к идеологической и политической борьбе, пытаются трактовать ее как «революцию, продолжающуюся до сих пор» и являющуюся «предпочтительной моделью» для стран, освободившихся от колониальной зависимости⁴⁹.

Более существенные перемены произошли в области изучения гражданской войны 1861—1865 гг., а также всего комплекса проблем, связанного с историей освободительной борьбы негритянского народа⁵⁰. Определяющим моментом был радикальный подъем движения за гражданские права в 60-е годы. Прежде всего значительно расширили свою деятельность историки, группирующиеся вокруг Ассоциации по изучению истории и жизни негров. И в 40-х — 50-х годах они в борьбе с неоконсерваторами старались воссоздать реальную картину предвоенного Юга с его системой беспощадного террора, показывали участие негров в аболиционистском движении и гражданской войне. Ныне эту традицию продолжают видные историки Дж. Франклин, Ч. Уэсли⁵¹ и многие

⁴⁵ В. Л. Мальков. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии, стр. 131.

⁴⁶ См. подробнее: Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии американской революции.

⁴⁷ M. Jensen. The Articles of Confederation. Madison. 1950 (имеются издания 1940—1948гг.); e jus d. The Founding of Nation. A History of the American Revolution, 1763—1776. N. Y. 1968; J. T. Main. Political Parties before the Constitution. Chapel Hill. 1973.

⁴⁸ B. Bailin. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge. (Mass.). 1967.

⁴⁹ R. Morris. The Emerging Nations and the American Revolution. N. Y. 1970, pp. IX—X.

⁵⁰ См. подробнее: А. П. Королева. Негритянская проблема. «Американская историография внутриполитических проблем США».

⁵¹ J. H. Franklin. From Slavery to Freedom. N. Y. 1947, 1956; e jus d. Reconstruction: After the Civil War. Chicago. 1961; «Understanding Negro History». Ed. by D. W. Hoover. Chicago. 1968.

другие, переиздаются исторические работы У. Дюбуа. В ряде американских университетов, особенно в университетах Фиска и Говарда, возникли научные организации, ставящие целью стимулировать изучение исторического прошлого американских негров («черные исследования»). При всей слабости этой историографии, отличающейся эклектизмом, философским идеализмом, для нее характерны: радикальный подход к негритянской проблеме в США, резкая критика расизма. В целом эти исследования помогают воссоздать прошлое американских негров как интегральную часть истории США.

Существенные сдвиги произошли и в традиционной буржуазной историографии. Если ранее крайне тенденциозный подход неоконсерваторов к проблеме рабства и концепцию «беспольности» гражданской войны осуждали главным образом историки «экономического» направления, то теперь положение изменилось. В работах таких известных историков, как Д. Дональд, и что особенно симптоматично, в исследованиях большой группы южных историков отвергается апология рабовладельческого Юга⁵². Они обращают внимание на деятельность радикальных республиканцев в период гражданской войны, на борьбу, которую вел против рабства выдающийся лидер негритянского народа Ф. Дуглас, приводят факты совместных выступлений негров и «белых бедняков» против плантаторской олигархии в период реконструкции. Выступая на съезде АИА, Дж. Франклин отмечал, что если ранее «большинство белых историков писали одну афро-американскую историю, а черные — другую», то ныне многое изменилось и «цвет кожи не является критерием авторитетности трудов по афро-американской истории»⁵³.

Критике подвергаются и неолиберальные концепции «нового курса» Ф. Рузвельта. Появляется немало работ, в которых отмечается, что правительственная политика не смогла решить фундаментальных проблем американского общества, и к концу 30-х годов социальные болезни были не излечены, а лишь приглушены. Обращается также внимание на то, что массы готовы были идти значительно дальше, чем реформаторы в верхах, приводится большой фактический материал, который часто независимо от воли авторов подводит к выводу о наличии острой классовой борьбы⁵⁴.

В 60-х годах возник более широкий и разнообразный круг исследований по истории рабочего движения. В этот период образовались новые центры исследований (в Детройтском, Пенсильванском, Атлантском университетах), более целеустремленно и систематически начали использоваться архивные документы, обогатилась методика (широко применяются опросы участников рабочего движения, а при анализе массовых источников подчас используются математические методы). Но главное — большая группа историков (в литературе их часто называют «новой волной») сознательно порвала с экономико-правовыми по форме и консервативными по содержанию принципами висконсинской школы. Историки «новой волны» (С. Тернстром, Г. Гутмен, Д. Монтгомери и др.)⁵⁵, отвергнув институционализм, ищут новые подходы к изучению жизни и труда рядовых рабочих на путях социально-культурной

⁵² W. McKee Evans. *Ballots and Fence Rails*. Chapel Hill. 1969; D. Donald. *Charles Sumner and the Rights of Man*. N. Y. 1970; W. Hair. *Burbonism and Agrarian Protest*. Baton Rouge. 1970.

⁵³ Цит. по: Н. В. Сивачев. Указ. соч., стр. 189.

⁵⁴ B. Sternsher. *Rexford Tugwell and the New Deal*. New Brunswick. 1964; D. E. Conrad. *The Forgottene Farmers*. Urbana. 1965; J. Huthmacher. *Senator Robert Wagner and the Rise of Urban Liberalism*. N. Y. 1968. См. подробнее: В. Л. Мальков. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии.

⁵⁵ H. Gutman. *The Worker's Search for Power: Labor in the Gilded Age*. «The Gilded Age: A Reappraisal». Syracuse. 1963; e. j. s. d. *Work, Culture and Society in Industrializing America, 1819—1919*. «AHR», June 1973; S. Thernstrom. *Poverty and Progress. Social Mobility in Nineteenth Century City*. Cambridge. 1964.

истории. Они значительно расширили тематику исследований и поставили новые проблемы. На основе местных архивов и прессы начали освещаться такие вопросы, как этнический состав рабочего класса и положение рабочих-иммигрантов, уровень образования рабочих и влияние церкви, внутренняя мобильность в составе пролетариата и т. д. Основное внимание уделяется не политике руководства крупнейших профсоюзов, а деятельности низовых организаций и мелких профсоюзов. Сделаны важные, хотя и первые шаги в анализе положения не организованных в профсоюзы рабочих. Эти тенденции нашли, в частности, проявление в журнале «Labor History». Однако при всей важности изучения новых аспектов жизни рабочего класса вне поля зрения этой группы исследователей остается главное — анализ социальной сущности рабочего класса, раскрытие его всемирно-исторической роли и места в системе капиталистических производственных отношений. Проблемы классовой борьбы, организованности, классового сознания пролетариата отходят далеко на задний план. Все это свидетельствует о том, что на путях неопозитивизма и структурализма невозможен подход к научному пониманию истории рабочего движения.

В начале 60-х годов многие американские историки, особенно молодого поколения, обратились к междисциплинарному подходу и количественным методам исследования источников. Колоссальный рост объема исторической информации давно уже требовал новых средств для ее обобщения и типологизации. Такая возможность открылась в связи с развитием научно-технической революции и появлением современной техники, позволившей подвергнуть закодированию и машинной обработке массу новых фактов и материалов. На путях междисциплинарного подхода, реализуемого через количественный анализ, многие историки стремились также преодолеть разрушительное влияние презентизма и элитизма. Расширив круг используемых источников, они надеялись найти путь к познанию жизни широких масс, не оставивших после себя письменных источников индивидуального характера. Главными научными учреждениями по подготовке специалистов количественного анализа стали Центр изучения экономической истории в Питтсбурге, Пенсильванский, Чикагский, Стэнфордский и Мичиганский университеты. Межуниверситетский консорциум политических исследований при Мичиганском университете к началу 1974 г. сосредоточил в своем архиве около 11 млн. карточек с кодированной информацией о переписях, выборах и т. д.⁵⁶

Одним из направлений применения количественного анализа стала «новая политическая история». Здесь анализируется прежде всего голосование в законодательных и судебных органах, а также народное голосование. Анализ голосований в конгрессе (исследователи группируют специальные блоки голосов) помогает выявлению позиций политических партий в государственных органах⁵⁷. Анализ избирательных кампаний (по штатам и округам) вносит также известный вклад в понимание деятельности партийно-политического механизма США⁵⁸. Необходимо подчеркнуть, что приверженцы «новой политической истории» ограничиваются анализом «политического поведения» групп избирателей на выборах в духе бихевиористских моделей, не связывая их с классовой принадлежностью избирателей.

Другим направлением применения количественных методов является «новая социальная история», представители которой анализируют

⁵⁶ R. Swirenga. Computers and American History. The Impact of the «New Generation». «Journal of American History», March 1974, p. 1050.

⁵⁷ D. McRae, Jr. Issues and Parties in Legislative Voting: Methods of Statistical Analysis. N. Y. 1970.

⁵⁸ «American Political Behavior: Historical Essays and Readings». Ed. by L. Benson, A. Bague, J. R. Hollingsworthe. T. Pressly, S. Solbey. N. Y. 1973.

прежде всего этническую и демографическую структуру различных общин, мобильность населения⁵⁹. Частью «новой социальной истории» является также рассмотрение семьи как ячейки общества. Разумеется, анализ этих элементов обогащает картину общественного развития, помогает раскрытию жизни широких слоев населения. Однако эти аспекты жизни общества могут быть по-настоящему осмыслены лишь в связи с магистральными линиями классовой борьбы в США. А этого как раз и не в состоянии сделать сторонники «новой социальной истории».

Наиболее широким полем применения математических методов стала экономическая история. Новые методы позволили на основе разрозненных данных (записи гражданского состояния, налоговая статистика, сведения о земельных наделах) построить модели отдельных исторических явлений, где недостающие звенья восстанавливаются на основе логических связей и сопоставления сходных данных. Ряд историков, применяя наряду с другими методами новую технику исследования, достиг плодотворных результатов. Так, Дж. Хенретт на основе экономико-математического анализа налоговых списков с конца XVII до конца XVIII в. пришел к выводу об усилении социального неравенства колонистов⁶⁰. Нередко математические методы успешно используются при изучении ряда проблем промышленного развития США, расслоения фермерства и т. д.

Разумеется, на пути количественного анализа источников стоит немало трудностей. Но главным препятствием для буржуазной историографии в применении новых методов стало отсутствие научной методологии. Влиятельное направление, известное под именем «клиометрия», стало рассматривать количественный анализ в качестве не техники, а методологии исторических исследований⁶¹. Р. Фогель, Д. Норт и другие развивают идеи о том, что широкое применение математических методов имеет универсальный характер и позволяет якобы создать некую новую «математическую историческую науку», свободную от философии и основанную на чистой логике. Исследователи отмечают прямое влияние на формирование «клиометрии» теории «экономического роста» У. Ростоу, которая, сделав упор на количественные методы, исключила из сферы анализа такие категории, как социальная структура, взаимоотношения классов и т. д.

Показательна в этом отношении работа Р. Фогеля⁶². Считалось аксиомой, что строительство железных дорог сыграло огромную роль в экономическом развитии США, решающим образом повлияло на ход промышленной революции. Р. Фогель же выступил против общепринятой точки зрения. Применяя математические методы обработки статистических данных, он пришел к выводу, что в 40-е—50-е годы XIX в. только незначительная часть производимого в США железа покупалась железнодорожными компаниями, а большая часть рельсового железа поставлялась из Англии. Еще в меньшей степени рост железных дорог затронул угольную промышленность США (основным топливом паровозов являлись тогда дрова). Разумеется, эти расчеты (многие из которых

⁵⁹ Ph. Greven. *Four Generations: Population, Land and Family in Colonial Andover, Massachusetts*. Ithaca, 1970; S. Thernstrom. *The other Bostonians: Poverty and Progress in American Metropolis, 1880—1970*. Cambridge (Mass.), 1973.

⁶⁰ J. A. Henretta. *Economic Development and Social Structure in Colonial Boston*. «William and Mary Quarterly», January 1965.

⁶¹ См. подробнее: И. З. Романов. Журнал экономической истории. «Вопросы истории», 1970, № 12; В. Г. Нохотович. «Новая экономическая история» и проблемы промышленного развития США в первой половине XIX в. «Американский ежегодник». М. 1973; И. М. Промахина. Количественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» США. «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М. 1975.

⁶² R. W. Fogel. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore, 1964.

еще нуждаются в перепроверке) рисуют более сложную, чем представлялось ранее, картину экономического развития страны. Однако Р. Фогель не пытается выяснить, исходя из полученных им данных, роль железных дорог в общественно-экономической жизни страны. Он считает, что железные дороги не были необходимым фактором экономического развития, а их отсутствие могли легко компенсировать другие виды транспорта, например, речной. Дело не только в том, что Р. Фогель создает чисто умозрительную конструкцию. Применяемый им количественный подход приводит к игнорированию важнейших социальных проблем. Чехословацкий исследователь Г. Полрейхова справедливо отмечала, что Р. Фогель игнорирует роль железных дорог в образовании единого внутреннего рынка США, их значение в разделении труда, территориальной хозяйственной специализации, урбанизации и т. д.⁶³

«Клиометристы» подвергли пересмотру и положение об экономической нерентабельности рабства в канун гражданской войны. Подсчитав доход рабовладельцев от капитала, вложенного в хлопковые плантации, они сделали вывод, что рабство было «доходно» и «жизнеспособно»⁶⁴. Отсюда гражданская война 1861—1865 гг. трактуется ими как событие, лишенное глубоких экономических корней. Между тем расчеты рентабельности рабства ни в коей мере не могут служить критерием для оценки степени его «жизнеспособности». Помимо того, что историки этой «новой экономической школы», сопоставляя рабство на Юге и фермерские хозяйства на Севере, не учитывают таких важных обстоятельств, как наличие «свободных» земель и тогдашнюю монополию южных штатов США на мировом рынке хлопка, делавшие экономически рентабельным применение рабского труда, они полностью абстрагировались от социального аспекта проблемы. Рабство являлось жесточайшим угнетением и эксплуатацией негров, его следствием были низкая техника и низкая производительность труда, истощение почвы и т. д. На Юге было 4 млн. рабов и около 2 тыс. крупных плантаторов, владевших каждый 100 и более рабами. Разве эта система могла быть выгодной для всей страны или даже для всего Юга? Как отмечал Н. Н. Болховитинов: «Мы решительно против подмены социальной истории простой бухгалтерией, даже если она осуществляется с помощью быстродействующих электронно-вычислительных машин. Рабство было выгодно для небольшой кучки плантаторов, но за последствия этой выгоды США расплачиваются дорогой ценой вплоть до настоящего времени»⁶⁵.

Подобные выводы «клиометристов», как и их утверждения о том, что гражданская война замедлила промышленный рост США, были столь одиозны, что от них вынуждены были отмежеваться даже многие приверженцы «клиометрии»⁶⁶. Вместе с тем пример «клиометрии» еще раз ярко свидетельствует о глубоком несоответствии между возможностями, открываемыми новой методикой исследования, и несостоятельностью буржуазной методологии истории.

Во второй половине 50-х годов весьма активно заявили о себе историки-радикалы, в теоретических и методологических установках которых нашли отражение позитивные и негативные стороны идеологии «новых левых»⁶⁷. Молодые радикалы выступили с критикой апологети-

⁶³ См.: H. Polreichova. «Cleometristé» a problémy americkeho hospodárskeho vyvoje v 19 stoleti. «Ceskoslovensky časopis historicky», 1970, № 4—5, str. 423—425.

⁶⁴ R. Fogel and S. Engerman. Time on the Cross. Boston. 1974.

⁶⁵ Н. Н. Болховитинов. Современная американская историография: новые течения и проблемы, стр. 127. См. также: А. С. Манькин, А. К. Соколов. Профессор Р. Фогель (США) в МГУ. «Вопросы истории», 1976, № 8.

⁶⁶ H. Gutman. Slavery and the Numbers Game. Urbana. 1975; P. David and P. Temin. Slavery: The Progressive Institution? «Journal of Economic History», September 1974.

⁶⁷ См. Р. Е. Кантор. «Новые левые» в Американской исторической ассоциации. «Вопросы истории», 1971, № 9.

ческого подхода к истории развития американского капитализма, против «бесконфликтной истории». Продолжая и углубляя традиции «прогрессистской» школы, они сосредоточивают внимание на экономической подоплеке исторических событий. Особенно привлекательно в их работах стремление осветить роль народных масс в истории. Радикалы обратились к ряду источников, дающих возможность показать роль «низов». Они предлагают также шире использовать «устную историю», интервьюируя, например, рядовых участников — ветеранов массового демократического движения 30-х годов. Американский историк-марксист Г. Аптекер отмечал, что в лучших работах историков этого направления «отвергаются элитарные концепции классической американской историографии и настойчиво проводится мысль, что так называемые молчаливые народные массы, рабочие и другие производители материальных благ, эксплуатируемые и угнетенные... являются теми людьми, которых историк должен изучать в первую очередь»⁶⁸.

Необходимо подчеркнуть, что методология «радикалов» далека от марксистской (хотя многие из них знакомы с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина) и носит эклектический характер. При обрисовке сложного диалектического характера исторического процесса они нередко модернизируют прошлое. Левацкие максималистские мерки в оценке тех или иных событий подчас оборачиваются антиисторизмом (демократические движения вырываются из исторических рамок и осуждаются за недостаточную революционность, порицаются реформы, направленные лишь на частичные преобразования, на улучшение положения масс, и т. д.). Следует также отметить, что радикалы, претендуя на оригинальность и «новизну», нередко обходят и замалчивают работы историков-марксистов, много сделавших для освещения кардинальных проблем истории США и показа роли народных масс.

Радикалы создали еще немного фундаментальных исследований, хотя и выступили по важным узловым периодам истории США. В области изучения войны за независимость одним из наиболее ярких представителей этого направления является Дж. Лемиш. Главная область его научных интересов — роль народных масс в революционных событиях XVIII века. В очерке под характерным названием «Американская революция: взгляд снизу»⁶⁹, Дж. Лемиш показал, что оценка революционных событий зависит от того, рассмотрены ли они глазами правящей элиты или с позиций трудящихся масс. В связи с 200-летием войны за независимость Дж. Лемиш призвал своих коллег приступить наконец к публикации бумаг (дневников, воспоминаний и т. д.) тех участников событий, которые не были «великими белыми мужами», издавать документы о народных протестах в колониальной Америке, обратиться к источникам по истории таких массовых революционных организаций, как корреспондентские комитеты, «Сыны свободы» и т. д.⁷⁰ Дж. Лемиш понял, что традиционный «элитаризм» буржуазной историографии ведет к искажению и обеднению прошлого. Он отметил иллюзорность избирательных прав рядовых колонистов, практически лишенных доступа к административным должностям, показал применение различных форм давления на избирателей и т. д. В центре внимания Дж. Лемиша — активность «молчаливой толпы» — матросов, еще в колониальный период выступавших против вербовки в английский флот, военнопленных в

⁶⁸ H. Aptheker. Cold-War Liars and New Historians. «Political Affairs», August 1971, p. 92.

⁶⁹ J. Lemish. The American Revolution Seen from the Bottom Up. «Towards a New Past. Dissenting Essays in American History». Ed. by V. T. Bernstein. N. Y. 1968. См. подробнее: Н. Н. Болховитинов. Война США за независимость и современная американская историография. «Вопросы истории», 1969, № 12; Б. М. Шпотов. «Новые левые» историки о классовой борьбе в период войны США за независимость. «Вопросы истории», 1974, № 2.

⁷⁰ «Вопросы истории», 1973, № 2, стр. 194—195.

британских тюрьмах, отказавшихся перейти на службу к Англии и тем самым изменить своей родине. Он также отмечает революционную инициативу масс, проявившуюся во время открытых народных выступлений, городских собраний и т. д. Анализируя Декларацию независимости США и справедливо подчеркивая классовую ограниченность ее авторов, показывая, что ряд участников революции занимал более радикальную позицию, чем «отцы — основатели» США, Дж. Лемиш, однако, подчас выходит за рамки историзма, причисляя Т. Джефферсона к лагерю консервативных политиков и утверждая, что революция совершалась только «снизу». Г. Аптекер подверг этот вывод справедливой критике, обратив внимание на то, что вокруг требования разрыва с Англией и независимости колоний сплотилось большинство американцев, представлявших различные социальные слои⁷¹.

Достоинства и недостатки исследований молодых радикалов весьма рельефно проявляются при анализе «прогрессивной эры» и «нового курса». Периоду «прогрессивизма» посвящены работы Г. Колко. Колко — серьезный исследователь, смелый в выборе проблем, работы его получили широкий общественный резонанс. В своих книгах⁷² Колко выступает против неолиберальной концепции «прогрессивной эры» как времени реформ, дарованных якобы народу просвещенными лидерами и ограничивших всевластие капитала. Он отмечает ряд существенных черт складывающегося государственно-монополистического капитализма (по его терминологии, «политического капитализма») и увеличение его влияния на политическую жизнь страны. Однако Г. Колко недооценивает роль классовой борьбы пролетариата и анtimoнополистических выступлений того времени. В результате все реформы он рассматривает лишь в плане интересов крупного бизнеса и эпоху, характеризующуюся бурным подъемом демократических движений, называет «консервативной эрой».

Сходный характер носит изучение и оценка «радикалами» «нового курса», так как они исходят из тезиса о бесполезности либеральных реформ и вредности «половинчатых решений». Изучая деятельность администрации Ф. Рузвельта, они верно подчеркивают ее классовую направленность, указывают на возрастание роли монополий в деятельности государства. Не анализируя уровень классовой борьбы и степень классового сознания ее участников, «радикалы» ставят вопрос об упущенных возможностях коренных социальных преобразований (часто понимаемых весьма туманно). С этих позиций они дают негативную оценку всем реформам «нового курса»⁷³. В результате отрицается значимость таких важных мероприятий, как законы о труде, социальном страховании и т. д., принятых под влиянием упорной борьбы, которую вели американские трудящиеся.

Ряд «новых левых» историков, изучающих историю рабочего движения в США (Б. Бернстайн, Р. Рэдш, Д. Вейнстайн и др.⁷⁴), подобно историкам «новой волны», выступили против институционалистских догм висконсинской школы. Они уделили первостепенное внимание критике профбюрократии и реформистской политики лидеров АФГ. В поисках прогрессивной традиции они обратились к истории таких организаций рабочего класса, как Орден рыцарей труда, Индустриальные рабочие мира. Левые движения рассматриваются ими не как продукт влияния европейских идей или плод иностранной иммиграции, а как естествен-

⁷¹ H. Apteker. *Attempting a New History*. «Political Affairs», August, September 1968.

⁷² G. Kolko. *The Triumph of Conservatism*. N. Y. 1963; *ejusd. Railroads and Regulation, 1877—1916*. N. Y. 1965. См. подробнее: В. Д. Козенко. Политический капитализм Г. Колко. «Вопросы истории», 1972, № 12.

⁷³ P. Conkin. *The New Deal*. N. Y. 1967.

⁷⁴ J. Weinstein. *The Decline of Socialism in America, 1912—1925*. N. Y. 1967; «Towards a New Past», R. Radosh, *American Labor and United States Foreign Policy*. N. Y. 1969.

ное порождение внутренних социально-экономических условий США. Однако «новые левые» далеки от понимания исторической роли пролетариата, не замечают левых тенденций в современном рабочем движении США, противопоставляют его движению начала XX в. и нередко пишут о вращении пролетариата в систему капитализма.

Ныне период «бури и натиска» «нового левого» движения миновал, ослабло это критическое направление и в историографии. (Этому в немалой мере способствовала эклектичность методологических установок радикалов). Но деятельность этих историков не прошла бесследно: она способствовала расшатыванию многих апологетических принципов американской буржуазной историографии, а ряд их демократических идей стал принадлежностью более широкого круга историков.

Американские историки-марксисты составляют пока сравнительно небольшой отряд, невелико и число выпускаемых ими книг. Это во многом связано с колоссальными трудностями, которые приходится преодолевать передовым ученым, работающим в стране — цитадели мирового капитализма. Их деятельность требует величайшей убежденности и большого личного мужества. Ученые-марксисты практически лишены возможности участвовать в научных академических обществах и преподавании в университетах, затруднена публикация их работ в исторических журналах. Несмотря на все трудности, после второй мировой войны число марксистских работ по узловым проблемам истории США значительно возросло. В статьях и выступлениях руководителей Компартии США, на страницах ее теоретического органа «Political Affairs» поднимается широкий спектр проблем новейшей истории США. Естественно, что основное внимание уделяется изучению исторического опыта широких народных движений, антимонополистическим традициям и в первую очередь борьбе рабочего класса.

Среди исследований историков-марксистов видное место занимают работы У. З. Фостера. Опираясь на достижения прогрессивной американской историографии, на основе критического переосмысления буржуазной исторической литературы, У. Фостер немало сделал для выявления закономерностей рабочего и демократического движения в США. Его перу принадлежат книги: «История Коммунистической партии США», «Очерк политической истории Америки», «Негритянский народ в истории Америки»⁷⁵ и ряд других. Рассматривая историю как процесс непрерывной классовой борьбы, У. Фостер отводит большое место анализу войны за независимость и гражданской войны 1861—1865 годов. Он рисует не историю «избранного народа» — белых поселенцев, но историю всего американского народа, восстанавливая подлинное прошлое негров и индейцев, особенно искаженное буржуазной историографией. Труды У. Фостера направлены против теории «исключительности» американского капитализма и тезисов буржуазной историографии об «улучшении капитализма» в XX в., его «демократизации» и «гуманизации». Он показывает, что социальные антагонизмы в США приняли наиболее острый характер с наступлением эпохи империализма.

Анализ ряда новых явлений в экономике и политике американского империализма на рубеже 70-х годов дан в статьях и выступлениях лидера американских коммунистов Г. Холла⁷⁶. Исходя из ленинской теории империализма, он рассматривает различные аспекты социально-политического маневрирования государственно-монополистического капитализма в условиях борьбы двух социальных систем и научно-технической революции, отмечает нарастание прогрессивных тенденций в ра-

⁷⁵ W. Foster. History of the Communist Party of the United States. N. Y. 1952; У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1952; его же. Негритянский народ в истории Америки. М. 1954.

⁷⁶ Гэс Холл. Революционное рабочее движение и современный империализм. М. 1974.

бочем движении США и новые формы общедемократической борьбы против монополистического капитала. Уделяя первостепенное внимание современным международным проблемам, Г. Холл свидетельствует, что «разрядка отражает качественный сдвиг в международных классовых отношениях»⁷⁷. В работах видных деятелей Компартии США Г. Уинстона и К. М. Лайтфута дается научный анализ современного этапа негритянского освободительного движения в США и его перспектив⁷⁸.

Исследователи-марксисты опубликовали ряд книг, посвященных анализу послевоенных экономических проблем американского империализма. В работах «Американский империализм» и «Империя финансовых магнатов» В. Перло⁷⁹ дал картину роста монополий, показал роль их в милитаризации экономики США. Разоблачение агрессивной внешней политики США рассматривается историками-марксистами и публицистами как актуальнейшая задача⁸⁰. Они исследуют классовые истоки и антинародный характер антисоветизма.

В изучение истории американского рабочего движения большой вклад внес Ф. Фонер. Его труд «История рабочего движения в США»⁸¹ является фундаментальным научным исследованием истории американского пролетариата от колониального времени до первой мировой войны, он основан на широком круге источников: архивных документах, рабочих газетах, брошюрах, листовках, отчетах рабочих и правительственных организаций и т. д. Ф. Фонер дает картину борьбы рабочих за улучшение условий труда и социальный прогресс. В отличие от висконсинской школы он освещает не только действия тред-юнионов, но и уделяет пристальное внимание «выдающейся роли рабочего класса в важнейших демократических и социальных битвах, происходивших на всем протяжении истории страны»⁸². В труде Ф. Фонера показывается распространение марксизма в США, деятельность социалистических организаций. Даже буржуазные историки вынуждены признать высокий академический уровень его работ. Д. Барбаш отмечал, что Ф. Фонером предпринято «первое всестороннее исследование архивов АФТ для написания общей истории рабочего движения», и в этом отношении труд Ф. Фонера превосходит «классическое исследование» Д. Коммонса⁸³.

Прямым ответом ученого-марксиста на острые политические проблемы современности явилось исследование «Американский рабочий класс и война в Индокитае»⁸⁴, где приводятся убедительные факты выступления американских рабочих против агрессии США во Вьетнаме. Ф. Фонер стремится помочь читателю осмыслить и понять истоки и других важнейших проблем современности. Он опубликовал труд по истории Кубы и ее отношений с США⁸⁵, где исследуются корни агрессивной политики США и показывается национально-освободительная борьба кубинского народа. Наконец, следует отметить интенсивную деятельность

⁷⁷ G. Hall. The Big Stakes of Detente. N. Y. 1974, p. 2.

⁷⁸ Г. Уинстон. Стратегия борьбы черного населения. М. 1975; К. М. Лайтфут. Восстания в гетто за освобождение негров. М. 1975.

⁷⁹ В. Перло. Американский империализм. М. 1951; его же. Империя финансовых магнатов. М. 1957.

⁸⁰ Дж. Аллен. Атомный империализм. М. 1952; его же. США и «Общий рынок». М. 1962; Г. Аптекер. Внешняя политика США и «холодная война». М. 1963.

⁸¹ Ф. Фонер. История рабочего движения в США. Т. I—IV. М. 1949—1969; См. также: (Ph. S. Foner. Organized Labor and the Black Worker 1619—1973. N. Y.—Washington. 1974). Р. Боейер и Г. Моррейс. Нерассказанная история рабочего движения в США. М. 1957; Дж. Моррис. Основные проблемы рабочего движения в США. М. 1961.

⁸² Ф. Фонер. Указ. соч. Т. I, стр. 22.

⁸³ «Industrial and Labor Relations Review», January 1957, p. 327.

⁸⁴ Ph. S. Foner. American Labor and the Indochina War. N. Y. 1971.

⁸⁵ Ф. Фонер. История Кубы и ее отношений с США. 1492—1845. М. 1962; его же. История Кубы и ее отношений с США. 1845—1895. М. 1964; Ph. S. Foner. The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism. 1895—1902. Vols. I—II. N. Y.—L. 1972.

Ф. Фонера как издателя документов о прогрессивных традициях американского народа. Наиболее важные из этих публикаций: статьи, речи, письма выдающегося борца против рабства Ф. Дугласа⁸⁶.

Начатая Д. Алленом марксистская разработка истории борьбы негритянского народа против рабства нашла достойное продолжение в трудах Г. Аптекера. В течение многих лет он был преподавателем истории в прогрессивной Школе социальных наук имени Джефферсона, а с 1964 г. является директором Американского института марксистских исследований. Первые исторические работы Г. Аптекера относятся еще к концу 30-х годов, после второй мировой войны в полной мере проявилось его научное дарование. В отличие от историков-либералов, лишь филантропически сочувствующих страданиям негритянского народа, он вскрывает классовую сущность его борьбы⁸⁷. До него только немногие историки приводили отдельные факты сопротивления рабов. Г. Аптекер обратился к газетам южных штатов, письмам, воспоминаниям, свидетельствам путешественников и многим другим источникам, которые помогли ему восстановить подлинную картину восстаний, потрясавших рабовладельческий Юг. Многие из известных в настоящее время (около 250) заговоров и восстаний негров-рабов впервые выявлены им. Крупным событием в прогрессивной историографии США стал выход в свет первых двух томов исследования Г. Аптекера «История американского народа»⁸⁸. Незаурядный полемист, он часто выступает как автор злободневных работ, разоблачающих реакционную сущность современных буржуазных исторических и социологических концепций⁸⁹. В настоящее время им предпринимается многотомная публикация историко-литературного наследия выдающегося негритянского лидера У. Дюбуа.

Американской марксистской историографией осуществлена большая работа по изучению коренных научных проблем истории США. Она призвана помочь народным массам правильно понять и осмыслить историю своей страны, их роль в борьбе за демократию и социальный прогресс.

Американская историография прошла за послевоенное 30-летие немалый путь. В конформистский период ее развития политическая тенденциозность выражалась в основном как апологетическое комментирование официальных тезисов. Под влиянием внутренних факторов и положительных изменений в междунаrodной обстановке в буржуазной науке произошли существенные сдвиги. Пришло большее многообразие направлений и концепций, усилился критический подход к некоторым традиционным историческим постулатам, получили развитие новейшие методы исследования. Острая идеологическая борьба, возросший политический потенциал исторической науки требуют от историков-марксистов тщательного анализа новейших тенденций в буржуазной историографии, активизации борьбы с нею по новым направлениям.

⁸⁶ «The Life and Writings of Frederick Douglas». Ed. by P. S. Foner. Vols. I—IV. N. Y. 1950—1955.

⁸⁷ H. Aptheker. Negro Slave Revolts in the United States, 1526—1860. N. Y. 1939; e j u s d. To be Free: Studies in American Negro History. N. Y. 1948; e j u s d. Toward Negro Freedom. N. Y. 1956; e j u s d. Nat Turner's Slave Rebellion. N. Y. 1966; «A Documentary History of the Negro People in the United States». Vols. 1—4. Ed. by H. A. Aptheker. N. Y. 1951—1974.

⁸⁸ Г. Аптекер. Колониальная эра. М. 1961; его же. Американская революция 1763—1783. М. 1962.

⁸⁹ Г. Аптекер. История афро-американцев. М. 1975.